

# РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ

\*\*\*

УДК 140.8; 141.2; 221

## НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР РОССИИ И КИТАЯ

*Иванов Александр Михайлович*

*канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории*

*государства и права Юридической школы*

*Дальневосточного федерального университета,*

*г. Владивосток*

*E-mail: Ami\_25.07@bk.ru*

## ABOUT SOME RELIGIOUS AND-PHILOSOPHIC FOUNDATIONS FOR COOPERATION OF TRADITIONAL CULTURES OF RUSSIA AND CHINA

*Aleksandr M. Ivanov*

*Dr. of Law, Assistant professor of Chair of Theory & History*

*of State and Law,*

*Law School of Far Eastern Federal University, Vladivostok*

### АННОТАЦИЯ

Осмысление религиозно-философских начал в культурах двух соседних стран позволит выработать верное направление в их взаимодействии на государственном и общественном уровнях.

### ABSTRACT

The comprehension of the religious and-philosophic concepts in the cultures of two neighbor countries allows to elaborate a correct direction in their cooperation both on inter-state and inter-social levels.

**Ключевые слова:** взаимодействие; культура; общество; правовое пространство; религия; традиции; философия.

**Key words:** cooperation; culture; society; legal space; religion; traditions; philosophy.

Собственно, в краткой статье можно претендовать лишь на постановку проблемы, а не на освещение всех проблем, всех оснований взаимодействия. Это понятно. *Про*-блема с греч. (*пред*-приятие, начинание; *блема* – покрывало, накидка; *про*- указывает на *пред*-стояние чего-то, на то, что находится впереди) – определение, распознавание некоей завесы, покрывала, которое мешает ясно увидеть вещь, суть... Постановка проблемы в связи с основаниями взаимодействия культур, таким образом, говорит, что мы полагаем, что какая-то завеса нами замечена, мы пытаемся ее приподнять и увидеть основания взаимоотношений неприкрытыми. Вместе с этим, такое видение отражает лишь восприятие авторское, и автор сознает, что в любом случае, выводы его не могут быть лишены ошибок.

Думается, что, рассуждая о предмете взаимных действий, уместно будет провести некоторые сравнения между Китаем и Россией. Мы увидим и сходства и различия, которые могут подвести к мысли, что Китай и Россия, как это ни удивительно может звучать, представляют собой «две стороны одной медали», на которой изображена (ни много, ни мало) картина мира.

Известно, что Россию, расположенную и в Европе и в Азии, называют иногда «мостом, связывающим Европу и Азию». Одна опора этого «моста» упирается в Поднебесную, а, значит, у нас есть что-то общее. Что же именно?

Во-первых, и Россия, и Китай многих поражают своей широтой, размахом территории, жизнелюбием, жизнестойкостью. Даже по количеству населения, по прогнозу Д.И. Менделеева, Россия должна была сравняться с Китаем к середине 20 века. Бурный прирост населения России в конце 19 – начале 20 вв. давал основания для такого прогноза. Правда, дальнейшие события нашей истории привели к тому, что в настоящее время население Китая превышает население России примерно более, чем в 10 раз.

Во-вторых, как в Китае, так и в России проживает много народностей: в Китае – 56, в России – более 120. А это значит, что у наших народов имеется богатый опыт уживчивости, терпимости, взаимоуважения.

В-третьих, и в истории Китая, и в России заметно определенное тяготение к патриархальному укладу жизни (Конфуций: Император должен быть императором, подданный – подданным; отец должен быть отцом, сын – сыном) [3, с.114-115]. То есть, каждый должен знать свое место, почитать старших по возрасту и социальному положению, в чем состоит залог гармонии в обществе. Однако, если в Китае такой подход объясняется данью традиции, необходимостью соблюдать церемонии, чтобы был порядок и гармония в обществе, то в России почитание старших освящается Заповедью Закона Божия: «Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле» [2, с.81].

На протяжении тысяч лет китайское общество было клановым. Отношениям между родителями и детьми, мужем и женой, братьями и сестрами придавалось большое значение в отличие от социальных контактов между людьми. Исходили из того, что «если в семье все обстоит благополучно, значит, и в Поднебесной царят мир и спокойствие» [3].

В современном обществе социальные контакты стали более частыми и более тесными. Люди вынуждены все меньше времени проводить в кругу семьи и все более общаться со знакомыми и незнакомыми. Изменилась структура общества, значение семьи в обществе становится менее важным. Общественный прогресс зависит от объединенных усилий людей из разных семей, регионов и даже стран. Таким образом, социальная мораль становится более важной. Современный человек должен быть не только хорошим сыном, хорошим мужем или братом, но и хорошим гражданином [4, с.145-146]. Религиозно-нравственный уровень в современном обществе проявляется не только в личных нравственных качествах его членов, но и, что важнее, в

общественной морали, то есть, морали, направленной на общественные приоритеты.

Далее, в Китае и в России допускается религиозное и политическое, идеологическое многообразие. Вернее сказать, запрещается единообразие, никакая идеология или религия, в России, например, не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Это провозглашено в Конституции РФ (1993 г.) в ст.ст.13 и 14. В КНР также действующая ныне Конституция (1982 г.) восстановила свободу вероисповедания, а новый Уголовный кодекс пригрозил строгими санкциями за посягательства на эту свободу [1, с.11]. Чтобы продемонстрировать миру свободу совести и вероисповедания, после образования КНР создаются (думается, под непосредственным влиянием КПК) ассоциации католиков, протестантов, мусульман, буддистов и т.д. [8, с.502-509].

Е.П. Бажанов в своем наблюдении за религиозной жизнью в Китае, употребляет выражение «многомерный религиозно-этический мир китайцев». Представляется, что это примерно то же, что и плюрализм, демократический, светский мир для россиян, но выраженное иными словами. Вообще то, что изображают нередко как уникальность Китая, на поверку оказывается просто представленным в других словоформах, по сути же является тем же, что известно у нас под другим названием. Взять, для примера, профессиональный язык, терминологию, и – обиходный. Кроме того, говоря об одном и том же, носители разных языков могут связывать явления с разными гранями мировосприятия, отсюда могут пользоваться различными определениями.

В какой-то степени, указанная выше «многомерность» напоминает «двоеверие» или точнее суеверие (своеверие) в России, где многие, считавшие, да иногда и считающие себя православными христианами, совершают языческие (слав. – народные) обряды, ведут более языческий образ жизни, нежели христианский. В таком случае, Христос для китайца, как и для российских «двоеверов», не более как «важный бог (один из многих),

отвечающий за попадание в рай» [1, с.6]. Даже в официальном китайском пантеоне почти стерты границы между отдельными религиями: боги и духи размещаются в иерархии, соответствующей их магическим силам [7, с.8].

Ученые, философы делятся (условно) на две большие категории. Одни из них, проникая в сущность вещей, познавая мир, наблюдая за ним, осознают, что за ним стоит Тот, кто его сотворил и им управляет по установленным Им законам. Другие, осознавая творческий характер человеческой личности, настолько бывают увлечены тягой к творчеству, что позволяют себе вмешиваться даже в законы существующего мира, исходя из установки: не нравится старый закон - отмени, и придумай новый (Монтескье, Руссо).

Китай – уникальный пример традиционалистской страны, стабильность которой на протяжении более чем двух тысячелетий была теснейшим образом связана с длительностью существования, непрерывностью и устойчивостью комплекса главенствовавших традиционных идей. Во многом идеи традиционализма связываются с именем мудреца (на западный манер - философа) Конфуция. И не случайно китайские мыслители вплоть до 19 в. всегда стремились облечь новую идею в старые одежды, подтвердить ее историческим «прецедентом». Тексты, ставшие каноническими, воспринимались как история событий, поступков и норм, понимаемых как доказательство и обоснование функционирования вечных нравственных ценностей и истин.

Человек и природа представлялись как некое единство. Однако на место Личности Творца приходит обезличенное Небо, отчасти сохраняющее в себе свойства Личности Творца. Возникла концепция взаимодействия между Небом и людьми: поступки людей могут радовать или сердить Небо, которое соответственно награждает или карает людей. Человек, являющийся частью триады Небо – Земля – человек, должен так приспособиться к этому единству, чтобы не нарушать универсальную гармонию. Если «Шицзин» и «Шуцзин» рассматривали жертвоприношения как формы ритуального поведения людей по

отношению к богам и духам, с целью получить их благорасположение и покровительство, то Конфуций перенес акцент на регулировку поведения человека в обществе. Упор делался не на религиозной стороне культа, не на общении людей со сверхъестественными силами (духами предков), а на выполнении людьми определенных обязанностей, то есть на проявлении человеком определенных нравственных качеств, как бы «запрограммированных» конфуцианскими нормами [7, с.6 и далее].

Как полагает О.Л. Фишман, конфуцианство, выработавшее сумму нравственных законов, правила поведения человека в семье и обществе (варьировавшиеся в зависимости от статуса человека) и разработавшее некоторые определенные стереотипы поведения, некие «роли» (государя и подданного, отца и сына, мужа и жены и т.п.), дало Китаю понимание того, что истинные основы общества - социальные, а не религиозные. Причем не только в конфуцианском каноне, но и в династийных историях, произведениях писателей, фольклоре, повествованиях народных рассказчиков постоянно давались примеры почтительных сыновей, преданных государю чиновников и т.п. Китайские историки и литераторы создавали модели, которые могли побудить людей к добру и отвратить их от зла. Определенное сходство с этим наблюдаем в Византии, где нередко императоры придавали силу Имперского закона – церковным нормам, имевшим негосударственное, но универсальное происхождение. Управлять, в старом Китае, означало улучшать нравы хорошими примерами и специальными поучениями. Считалось, что поведение народа зависит от поведения правителя. Отсюда – сильный акцент конфуцианства на «самосовершенствовании». Однако такой подход к регулированию взаимоотношений в обществе не чужд и для Православия. Сравним, например, призыв Христа: Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный... Это – на верхнем уровне, а на нижнем то же самое выражено попроще: Каков поп – таков и приход. У Конфуция: «Доброе правление может быть только там, где государь – государь, министр – министр, отец – отец, сын – сын». Философ сказал: «Если бы при обширной учености сдерживать себя

церемониями (т.е. правилами), то благодаря этому также можно не уклониться от истины [3, с.114-115]. При более глубоком исследовании, думается, здесь можно рассуждать о некоем сходстве с определением соотношения Закона и Благодати.

Когда совершенномудрый появляется, то нет среди народа таких, кто бы не проявил бы к нему уважения, когда совершенномудрый говорит, то нет среди народа таких, кто бы на испытывал доверия к нему. ...Обладатель «высшей искренности» «упорядочивает главные взаимоотношения в обществе», «устанавливает великую основу в Поднебесной и постигает изменяющую и возвращающую силу Неба и Земли» [5, с.20-21]. Отчасти это напоминает в Православии слово старца Серафима Саровского: «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи», однако у старца – духовные основания к спасению.

Несмотря на рационалистическую доминанту конфуцианской идеологии... конфуцианство принимало сверхъестественную концепцию Неба, небесного предопределения, теорию *инь-ян* и пяти первоэлементов. Наличие функциональной связи между конфуцианской идеологией и религией сделало возможным сосуществование конфуцианства с буддизмом и даосизмом, так же как и с народной религией, (т.е. язычеством – А. Иванов), синкретичной и политеистичной по своему характеру [7, с.7-8]. Учитывая роль буддизма, даосизма и народной религии в жизни отдельного человека и целых групп китайского общества на протяжении его длительной истории, было бы неверно сводить традиционную китайскую идеологию к одному лишь конфуцианству. Безусловно, оно занимало господствующие позиции, система и иерархия нравственных ценностей была конфуцианской, акцент делался на социальных (читай – «светских». А. Иванов), а не на религиозных «добродетелях» человека, однако в основе лежал принцип *жень* (человечности), существенный не только для конфуцианства, но и для буддизма, и для даосизма, и для народной религии. Таким образом, выводит О.Л. Фишман, не только можно, но и

необходимо говорить о синкретизме традиционной китайской идеологии. Неправда ли, еще одно сходство с современными попытками внедрения в России в систему образования «светской этики», запрещающей единство идеологии, значит, претендующей на отрицание единства окружающего мира, единство Творца, вместе с тем пропагандирующей абстрактный гуманизм, где человек – «звучит гордо» и противопоставляется Творцу. Хотя в даосизме предпринимается определенная попытка одухотворить смысл существования человека, так, появляется триада/троица, но это не Бог, а - это человек, небо и земля.

Название Китая «страной Поднебесной» некоторые толкуют не только в материальном плане, как то, что люди живут между небом и землей, но и в мистическом смысле: страна, живущая по воле Неба. Судя по народным изречениям, Небо представляет собой здесь обезличенное Божество, которое, опять-таки, для подданных Святой Руси – вовсе не обезлично, а есть Личность, Троица Единосущная и Нераздельная. Всеобщая история государства и права свидетельствует, что Китай является одним из самых древних государств мира. Священное Писание Ветхого Завета, по мнению И. Тантлевского, указывает, что самый древний народ, вернее – начальный/головной/ заглавный – русский.

Впрочем, «многомерный» духовный мир, по сути не является таковым, ибо многомерность здесь – вне Истины, которая всегда одна и та же, неизменная. Но понятие «многомерности»/ плюрализма весьма удобно для уравнивания Истины с ложью, что проявляется и в Китае, и в России в росте числа партий и сект. Однако китайцы до сих пор нередко «ищут ответы на жизненно важные вопросы у гадалек, для которых главная книга – «И Цзин»/ Книга перемен (Бажанов). Подобно тому, как еще 25 веков назад «на склоне лет Конфуций с особенной любовью занимался «Книгой перемен», на которую составлял пояснения, иначе - занимался гаданием [3, с.217]. Кстати, П.С. Попов полагал, что «педантическое благоговение к церемониям (Конфуция) ...

сковало всю последующую жизнь Китая. Кроме того, по мнению Попова, китайский философ часто действовал, сообразуясь с обстоятельствами, а не со своими убеждениями [3, с.207-212].

Отмечается своеобразная «всеядность» китайцев. В пищу может употребляться если не все, то очень многое. Также и у христиан в Новом Завете сказано, что «для чистого все чисто», тогда как в Ветхом Завете деление на «чистых» и «нечистых» животных было еще достаточно строгим.

Возможно, что одним из факторов необыкновенной живучести традиций, способствующим некоей консервативности, и в то же время – образности мышления, что позволяет сохранять и поддерживать тысячелетний опыт народа, его «историческую память», является, наряду с Конфуцианским учением, иероглифическая письменность. Научно-технический прогресс может разорвать звенья «исторической памяти». Хотя противодействием в этом отношении выступает благоприятный момент формирования научно-технической терминологии на базе китайских корней. В России же научно-техническая терминология изобилует греко-латинскими корнями, что не способствует сохранению «исторической памяти».

Впечатления о Великом Китае могут составить целые книги, но поскольку мы ограничены рамками статьи, то нужно делать вывод из сказанного: Если приземленно-языческую историю и культуру Китая одухотворить Верой в Единого Личностного Творца, то Китай может стать великим не только по территории и населению, но и по Духу.

Проблемы оснований для развития взаимоотношений между Китаем и Россией отражают двусторонний характер. Это – проблемы глобального, вселенского характера. Без преувеличения можно сказать, что от их решения зависит будущее планеты, человечества. Религиозно-философские проблемы, являющиеся отражением мировосприятия – это, своего рода барометр, сигнализатор, показатель того, что мы имеем и как можно улучшить имеемое...

Но для того, чтобы улучшение наступило в действительности, требуется двусторонняя политическая воля. Так, выше мы отметили, что одухотворение православными ценностями, вернее, православным подходом к похожим ценностям спасительно, однако для того, чтобы посеять, а затем пожать плоды, китайская сторона должна бы пойти навстречу распространения проповеди православного осмысления известных в Китае ценностей, то есть православного учения. На деле же – руководство КНР не позволяет действовать на своей территории религиозным объединениям, у которых руководство за рубежом. Опыт же существования «католиков», «мусульман» и пр. на территории КНР без подчинения их Центрам за границей, показывает, что это приводит к появлению еще большего числа сект, что, в свою очередь, отнюдь не способствует усвоению и распространению Истины. Значит, при таких условиях одухотворения не произойдет.

Проблема чрезвычайно серьезная. Дело даже не в количестве оставшегося человечества (т.н. «золотой миллиард»), а вообще – в выживании – останется ли еще хоть кто-то. Ибо без одухотворения планеты человечество не спасется... Да, дело не в переходе политической власти из одних рук в другие, а в спасении человечества. Здесь роль Китая и России, культур наших народов, имеет великое значение. Некоторые исследователи полагают, что пока есть иероглиф, будет китайская культура, нет – не будет и китайской культуры. На наш взгляд, утверждение вполне обоснованное. Но ведь без Христа, без Православия не будет и России, Руси, человечества, то есть, в том числе и Китая...

Время не останавливается само по себе, оно течет, бежит, стремительно летит, в зависимости от нашего мировосприятия. Одна грань, как мы пытались это отметить, - представляет собой «духовность» без Бога, другая грань восполняет этот недостаток мировосприятия. Выбор за нашими народами.

«Время не повернуть вспять».

Манит, конечно, юности лето.

Но... жить без Бога опять?

Только не это!...». [6, с.218]

### Список литературы

1. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Страна веселых богов. Религиозный мир китайцев. – М.: Восток-Запад, 2008.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2002. – 1296 с.
3. Конфуций. Суждения и беседы. / Пер. с кит. П.С. Попова. – СПб., 2011. – 224 с.
4. Короткие рассказы на китайском языке. Т.4. – Пекин, Sinolingua; М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
5. Мартынов А.С. «Искренность» мудреца, благородного мужа и императора. // Из истории традиционной китайской идеологии. Сб. ст. – М.: Наука, 1984.
6. Санин Е. Встреча. Избранное в 2-х т. – СПб: Изд-во «Сатись», 2008.
7. Фишман О.Л. Некоторые проблемы традиционной китайской идеологии. // Из истории традиционной китайской идеологии. Сб. ст. – М.: Наука, 1984.
8. Энциклопедия Нового Китая. – М.: Прогресс, 1989.